

БАБКИНЫ СКАЗКИ

Волчья тропа

Кривая дорога

Даха
Тараторина

КРИВАЯ

ДОРОГА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Иллюстрация на переплете *ANNAISE*

Иллюстрация на форзаце и внутри блока *tsir*

Иллюстрация на нахзаце *buf*

Тараторина, Даха.

Т19 Кривая дорога / Даха Тараторина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 432 с. : ил.

ISBN 978-5-04-235696-4

Фроська всегда умела нажать неприятностей. А став волчицей, троекратно эту свою способность увеличила. Вроде и старалась делать добрые дела: мужа уберечь от посягательств наглой вертихвостки, с соплеменниками-оборотнями сдружиться, — а всё наперекосяк получалось. Да и легко ли с кем-то поладить, когда в собственной душе ладу нет, а волчица рвётся на волю?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235696-4

© Тараторина Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Посвящается бабЛене, которая могла любого
заморить заботой и закормить до смерти,
и шkodливой пушистой кошке по имени Кот.
Хотя бы на страницах этой книги
вы останетесь со мной навсегда.*

*Мои книги — это моя жизнь.
С ними я взрослею, меняюсь, преодолеваю кризисы
и учусь радоваться мелочам. В них я отдаю дань тем,
кого люблю, и тем, кому говорила это слишком редко.
В них я открываю читателям свою душу
и создаю места, где каждый может быть собой.*

*Здесь безопасно. Здесь сказочно. Здесь ваш дом.
И здесь всегда горит колдовской пламень,
который осветит дорогу во тьме.*

Верста 1

Распутье

Рука была человеческая, но когти на ней — волчьи. Мальчик растерянно поднял взгляд. Всё верно, тётя самая обыкновенная: худая, сердитая и намного менее красивая, чем мама. Но с когтями.

Ладонь нетерпеливо сжималась и разжималась, когти оставляли царапины на тонкой, удивительно бледной для конца лета коже. Порезы едва начинали кровоточить, но тут же, как по волшебству, затягивались.

Взрослые этого не замечали.

Мама смиренно ждала очереди, прижимая сына к бедру и сердечно улыбаясь коренастому харчевнику. Куда ей рассматривать странную, лохматую, сверкающую глазами бабу! Рыжий харчевник тоже не обращал внимания ни на когти, ни на недовольство гостыи. Он вот уже битый час объяснял, почему от его хмельного наутро не болит голова.

— Это вот из самой Морусии привезли, оно погорчее будет. А вон то, тёмное, мы сами ставили. Хорошее пиво. Жаль, не дозрело пока...

— Давай хорошее, — согласилась гостыя со страшной рукой.

Даха Тараторина

— Дык это не всё! Ещё новьё доставили вчерась. Даже бочонок не раскупорили. Ты б хоть пригубила!

— Благодарствую, уже попробовалась. Налей мне... хоть какого-нибудь. Только поскорее.

— Э, нет, — оскорбился торговец, — так пиво не выбирают. Ты скажи, красавица, тебе послаще али покислее? Горькое, негорькое?

«Красавица» злобно пнула стол.

— Да плевала я в твоё пиво! Налей хоть чего, и дело с концом! Всё одно бурда дешёвая!

— Это-то моё пиво — бурда? Это у меня-то дешёвая?! — Лицо у мужика стало что у дитёнка обиженного, глаза округлились, выпучились. — Да ко мне с соседних деревень ходят! За десять... нет, за двадцать вёрст! Лучшее пиво на весь Озёрный край! Бочками, слышь, бочками закупают, рецепты выпрашивают!

Младен крепче ухватился за материнский подол, изо всех сил зажмурился и отвернулся от спорящих. Добрая беседа превращалась в брань, и даже всегда спокойная, неторопливая мама перестала улыбаться и переминалась с ноги на ногу. Мальчику хотелось уйти, но родительница решила, что он проголодался, а поесть надо непременно здесь и непременно сейчас: «пока Светолик торгует». Деваться, стало быть, некуда.

— Фроська, опять буянишь?

Подошедший был высок и так же худ, как вредная тётка. Но не ругался и когтей не казал. Только глаза сверкали по-звериному. Он, к радости Младена, влез в самую серёдку очереди и по-свойски обнял злючку за плечи.

— Далось тебе это пиво! Я бы лучше кваса выпил. Друже, плесни сухарного с мёдом. Только пены поменьше, а то знаю я вас! — кивнул он харчевнику Светолику.

Кривая дорога

Тот довольно протянул:

— Обижа-а-аешь, Серый!

Названный Серым почуял полный любопытства взгляд и наклонился к Младену. Сдул со лба прядь серых, как у старика, волос и подмигнул. Мальчик тут же сделал вид, что не смотрит, но исподтишка наблюдал, как он придиричливо заглядывает в кувшин, морщится, будто недовольный пёс, и требует долить до краёв; как Светолик возмущённо сопит, но всё-таки лезет к бочонку вдругорядь; и как неприятная тётка с когтями перестаёт злиться и становится чуть менее неприятной оттого, что её обняли.

* * *

Серому в Озёрном краю нравилось. Солнце не пекло, дожди быстро проходили, хоть и начинались куда быстрее, людей мало, а места — вдосталь. Ягоды да грибы, манящие упругими бочками из-под всякого куста, досыта кормили, а в бескрайних лесах, засеянных мелкими и ровными, словно чаши, озёрцами, обреталось видимо-невидимо дичи. Чем не раздолье? Бегай себе, лови зайцев, живи в удовольствие. Но Фроську тянуло к людям. А куда молодому оборотню в деревню? Только детей пугать. Как вон того, что всё косился из-за мамкиной юбки.

— Под берёзками было б краше... — заметил оборотень.

Фроська показала зубы.

— Тебе б всё к лесам. Чего ты там не видел?

— Много чего. Людей, например, не видел, которых ты стращаешь.

— Это потому, что я их съесть раньше успеваю.

Серый прищурился, словно вправду прикидывал, успевает ли. Решил, что нет.

Даха Тараторина

— Лопнула бы.

— Зато сытая и довольная.

Ей всё время хотелось есть. Нет, они не голодали. Серый легко заводил друзей и зарабатывал монетку-другую в каждой прохожей деревне. А в каком селении нет бабы, что устала упрашивать мужа подпереть забор? Такая и рада нанять случайного мужичка помочь по хозяйству. Тем паче если мужичок весело шутит да рассказывает о путешествиях. Тогда не только денег, но и сыру али пирогов с пылу с жару положить не жалко. Ежели, конечно, суровая супруга работничка не стоит над душой и не зыркает так, что слово сказать боязно.

А ещё они охотились. Фроську не пришлось долго учить: только что обратившаяся, полная сил, она легко обгоняла мужа, ломая жирные кроличьи хребты со сноровкой бывалого жожака. Он вскоре перестал бегать рядом, коль больше мешал погоне. Да и советов волчица всё равно не слушала.

Но ей постоянно хотелось есть.

* * *

Пусто.

И холодно.

И голодная темнота выла в животе...

Я заполняла её — жрала чужую тёплую плоть.

Но голод всё равно не уходил.

Озёрный край — отвратное местечко. Мелкие грязные деревеньки, с избытком рассыпанные богами меж водоёмами, воняли рыбой и дождём. Морось не прекращалась, то усиливаясь, то затихая, но неизменно заглядывая под ветоли¹. Наглые облезлые коты лезли

¹ Верхняя одежда, накидка вроде плаща.

Кривая дорога

под ноги, испуганно вздыбливая шерсть и шныряя под забор, когда я ощеривалась. Знают, поганцы, что здесь от голода не подохнут, будь они хоть сто раз бездомными и простуженными: всё какая-то мелкая рыбёшка да перепадёт от возвращающихся к семьям рыбаков.

Но к людям всё равно хотелось.

В волчьей шкуре хорошо. Заяц — быстрый-быстрый — сидит до последнего, не шелохнётся, ну точно кучка прелых листьев. И я крадусь. Медленно. Едва дыша. Чуя манящий запах... нет, уже вкус. Кровь. Кишки. И молоко. А потом срываюсь и бегу. И лес бежит навстречу. А пушистый хвост мелькает всё ближе. Ускользнуть от меня? От меня?! Я делаю лишь один укус. Меткий, уверенный. И шея... нет, позвоночник хрустит. И голова... морда безвольно запрокидывается.

И руки, уже не способные удержать арбалет, навеки замирают...

А я прыгаю ко второму...

Каждую охоту я оказывалась там — в дне первого оборота. В дне первого убийства. В дне, когда потеряла друга.

Мне нужно к людям. Они должны быть рядом: тёплые, настоящие. Живые. Чтобы не вспоминать раз за разом лица мертвецов.

А Серый хотел в лес. Носиться наперегонки, вместе охотиться, ступать мягкими лапами по волчьим тропам.

Но он не убивал друга. И не боялся требовательной пустоты, что расплзалась холодом по жилам.

Серый обнял меня, и холод ненадолго отступил.

— Девица, а пойдём ночью во лесок?

Даха Тараторина

Я поддержала игру и коснулась мужниного колена.

— И что ж это, добрый молодец, мы там станем делать?

— Как что, — моргнул тот, — крола загоним. А ты о чём подумала?

Ох уж эти мужики! Что дети малые — дай только дурака повалять.

— Сегодня, сказывают, праздник... навроде наших спожинок¹ — лето провожают. Народ станет плясать да петь.

Серый нахмурился. Он боялся. Да кабы за меня! За людей боялся, за рыбаков этих, сыростью провонявших. Ну как не сдержусь, кинусь, обращусь да... шею кому переломаяю?

И могу ведь...

Но в лесу — тьма. Голодная, пустая. И я не хочу с ней встречаться лишний раз.

— Ну, праздник так праздник. — Серый подлил кваса. — Но тогда уж не обессудь: коль сама на танцы подрядилась, плясать станем до упаду. И чтоб не спорила!

Я кивнула. Лучше спорить с ним, чем с волчицей.

* * *

В харчевне мы всегда занимали дальний неприметный стол, но на сей раз это не уберегло от пытливых местных. Маленький любопытный щенок, что наблюдал за нами уже давно, решился подойти и спросил:

— А вы меня не будете есть?

¹ Спожинки — праздник конца лета, когда срезают последний сноп и вяжут Велесову бороду.

Кривая дорога

Стоило повернуться к мальчишке, как тот испуганно отпрянул, будто я его укусить попыталась. А Серый хохотнул, накрыл мою ладонь своей и уточнил:

— А зачем нам тебя есть, малец? Разве ты такой вкусный?

Мать звала щенка Младенем, и я запомнила это имя. Он замотал головой и сбивчиво объяснил:

— Нет! Я как-то пробовал съесть кровяную корочку... От ранки отвалилась! Невкусный, честное слово!

Серый пообещал:

— Тогда не будем.

— Честно-честно?

— Честно-честно, — влезла я.

Мальчишка посмотрел на меня оценивающе и сдвинулся на шаг ближе к Серому. Ну и ладно. Вот даже не обидно! Серый, между прочим, точно кусается: меня вон волком сделал. Вслух я этого говорить, конечно, не стала.

— Тогда можно спросить?

Голос сорвался на писк, и малыш смущённо ойкнул. Верно, всю храбрость потратил на то, чтобы отцепиться от мамкиной юбки и подойти к незнакомцам. Мы дозволили:

— Спрашивай.

— А тётя — волкодлак, да?

Я поперхнулась квасом, а Младен прыгнул к Серому на колени и обхватил за шею. Тот аккуратно расцепил сжавшиеся ручонки и серьёзно ответил:

— Тётя не волкодлак. Честное слово! И она не будет никого есть. Веришь?

Мальш отрицательно мотнул головой, потом покоился на меня и усиленно закивал:

— И маму тоже есть не будет?

Даха Тараторина

Я выцепила взглядом упитанную, пышущую здоровьем бабу, заболтавшуюся с харчевником. Она заливисто смеялась и всё невзначай наклонялась вперёд, чтобы мужик мог по достоинству оценить грудь в слишком глубоком вырезе рубахи. Оценивать было что — на четверых хватит!

— А она тоже невкусная? — хмуро поинтересовалась я, так и эдак прижимая локти к туловищу и прикидывая, могу ли сама порадовать мужа чем-то окромя узорной вышивки на вороте.

— Фрось, ты чего скукожилась? Может, кваску?

Я бросила бесполезное занятие.

— Невкусная... То есть не знаю, — пискнул малыш. — Я не пробовал...

— Проверять не стану.

Я брякнула кружку на стол так громко, что вздрогнули не только доставучий щенок, но и его дородная мамка, харчевник, поддатые мужички, спорившие о том, как правильно колотить жену, и бледная молчаливая девка у дверей. Младена и след простыл.

— Ну зачем ребёнка пугать? — упрекнул Серый.

— Ничего, не помрёт.

— Ага, только заикаться всю жизнь будет.

Я равнодушно пожала плечами.

* * *

Иван и Ивар припозднились. Они не то чтобы были пьяны, нет. Но уже стали смелее, чем надобно, и глупее, чем стоило бы.

Возлюбленная Иванова супруга (благослови Макошь её труды!) намеревалась запекла целого молочного поросёнка летнего помёта. Большой как-никак праздник! Надо же родню собрать да попотчевать. Угощение уда-

Кривая дорога

лось на славу: золотистая тушка, ароматное, мягонькое мяско... Да вот незадача: глядит, а поросё-то понадкусывали! Кто бы?

Иван, знамо дело, отпирался. Шутка ли? Прибьёт ведь сварливая баба, коль поймает на горяченьком! Мужик и так, и эдак, мол, кот мог вбежать или за псиной недоглядели. Жена не верила, но и доказать ничего не могла. И всё бы ничего, да сдал обоих Ивар. Брат сунул морду в неплотно затворённые ставни и поманил собутыльника обглоданной поросячьей ногой, не заметив молодку¹.

Схлопотали и муж, и деверь². Получили каждый по продолговатому синяку поперёк физиономий. Если приглядеться, то и нынче, в сумерках, можно было угадать очертания скалки.

— Всё зло от баб, — заявил Иван.

Ивар мог бы поспорить, но ссадины болели, а самолюбие страдало. И он соглашался:

— Большое ли, маленькое — всё от них!

— А я тебе о чём толкую? Житья не дают! Так бы в воду и... ух!

Иван неопределённо махнул в сторону озера, что они с братом огибали по пути домой. То ли сам бы утопился, то ли жену порешить хотел — не понять.

— Вот воротишься, ты уж ей покажешь, кто в избе хозяин!

— Я-то ей покажу, — подтвердил Иван, но, взглянув на окошки, желтеющие в какой-то версте впереди, пригорюнился.

— От же дура-баба!

— Как есть!

¹ Молодая замужняя женщина.

² Деверь — брат мужа.

